

СТИХИ

* * *

Вдохновение – это как вдох,
где за выдохом – боль, отчужденье,
то есть время принять осужденье,
что ты был – хоть мгновение – бог.

Значит, время испить немоты
до забвенья, до судорог в горле,
что с того, что ты был среди гордых,
так вкуси же позор нищеты.

Лик невнятен и кров твой убог,
но оправдан, оправдан твой выбор,
ибо каждый мучительный выдох
предваряет божественный вдох.

* * *

Снег летит, скользит над полем,
над провалами озер.
Жалкий лес стоит, покорен,
погружённый в свой позор.

Это время ржавых листьев,
обождённой красоты,
время предпоследних истин,
жалости и пустоты.

Время что-то подытожить
и мучительно молчать,
ведь душа уже не может
жизнь от тлена отличать...

Поэзия

Кому нужна ты, бедная, кому?
водителю такси? слепой бумаге?
филолога холодному уму?
лихим самоубийцам в полушаге

от бездны?.. Бедная, кому же ты нужна?
мне самому? – смешное утешенье,
ведь точно так же смотрится луна
в ущербное свое же отраженье.

* * *

Ах, это летит девятнадцатый век
на тройке лихой под победные клики!
Лишь брызгает в стороны девственный снег
и дико глядят исподлобья калмыки.

А следом – двадцатый по локти в крови –
по хрупким костям да надломленным судьбам,
где было всего – и тоски, и любви,
где все виноваты и все неподсудны...

Мы вышли оттуда случайной тропой,
нас вывело время и наши же дети,
но, как иностранцы, пугливой толпой
стоим, озирая чужое столетье.

* * *

После летней грозы, иступленной, слепой,
воздух розов и пахнет намокшей сиренью...
Все пребудет во мне, что случится с тобой,
отзовется одухотворенною тенью.

А ведь только что неба осмысленный свод
был весь в трещинах молний, безумен лилово,
но сквозь гром и библейское месиво вод
тайно слышалось нам Иоанново Слово,

что любовь совершенна, ведь Бог есть любовь,
будет новое небо без боли и страха,
все, что было со мною – войдет в твою кровь
до последнего, невосполнимого взмаха.

* * *

Я берега судьбы твоей
замкну прозрачным листопадом,
укрою белым снегопадом
блаженных нищих февралей.

Я отворю на них ключи,
запеленаю их словами,
почти пророческими снами,
туманом усыплю в ночи.

Я сам приду к твоей реке,
когда собьюсь, считая годы,
устан от золотой свободы,
с простою птицею в руке.

* * *

Во мраке ночном замерзает без света душа,
и звезды не греют, чернеют чужие деревья,
дорога, едва различима, уходит, дрожа,
куда-то в себя, в свой языческий ад, в суеверья.

Чего тут бояться – ведь дом уже недалеко,
но ужас сильнее, хотя бы и все понимаешь...
И шепчешь молитву, и пьёшь ее как молоко,
и пенку, снимая с губы, в кулаке зажимаешь.

* * *

Я скажу одной тебе,
потому что одиноко –
слишком многое в судьбе
обрывается до срока.

Я смотрю в твои глаза,
обожжённый серым светом,
понимая, что нельзя
говорить тебе об этом.

Невозможно объяснить
эти полуощущенья,
как за нитью рвется нить...
И не будет возвращенья.

* * *

Д. Новикову

Черствый мир, словно хлеб, пополам преломив,
ты от запаха жизни почти задохнулся,
ты слышал отчетливой смерти мотив,
и уснул для любви, но для страсти проснулся...

Нет, чернила – не кровь, а слова – не судьба,
в этом есть, если честно, и фальшь, и условность,
только чувственный мир нам печаль и судья –
голос женщины сонной и неба бескровность...

Черный сон, белый лес – всё внутри и вовне,
в пустоте, на бумаге, навеки, случайно,
где твой ангел в лиловой плывет глубине,
шевелия плавниками как крыльями тайны.

* * *

Последняя осенняя свобода –
зима неотвратима и близка...
Кленовый лист у левого виска
завис в немом отчаянье ухода.

Последнее осеннее скольжение
беззвучных птиц, полузабытых строк...
Всему – печаль своя, всему – свой срок,
глоток судьбы – как головокружение.

Так будем жить, коль призваны и званы,
так будем жить почти что вопреки
на берегу немислимой реки
с названьем... а впрочем, без названья...

Любовь

Назови это блажью, блаженством, хоть как назови,
тёмным мороком плоти, томлением слабого тела,
восхождением души или жалким безумством в крови...
Можешь не называть. Никому нет до этого дела.

Даже тот, кто тобою любим, неизбежно далек,
ты чужой меж родных и друзей, потому что ты призван,
ибо каждый проходит сквозь смерть и любовь одинок.
И случаен твой опыт. Но он – оправдание жизни.

* * *

Осень мнётся у порога,
дышит холодом в окно.
Как же далеко до Бога,
далеко да высоко.

Отступили к югу птицы,
воздух смертью раскалён.
В обречённой багрянице
у холма томится клён.

И летят на землю листья
сокрушённо и легко,
так и нам – до неба близко,
лишь до Бога – далеко...

* * *

Как земная единожды плоть нам дана,
так дарована родина только одна.

Тем, кто пил, обжигаясь, отечества дым –
будет воздух иной неживым и пустым.

В этих паузах зимних, кромешных снегах
полной мерой отмеряны милость и страх.

В иступлённых пространствах холодных равнин
ты с собою ли, с Богом – один на один.

Только так можно что-то, хоть что-то понять,
чтобы было зачем и за что умирать...

* * *

Становится время судьёй,
всё глуше стихи и тревожней.
Становится возраст судьбой,
печалью, почти невозможной...

И небо гудит словно медь,
и всё, что мечталось отважно –
уже воплотить не успеть...
...но всё это, в общем, не важно.

Кладбище

Святое посещение могил –
кто с нами был, кто жил на этом свете,
кто ненавидел нас и кто любил,
алкал печаль и плакал на рассвете.

Здесь всё условно – жизнь, и дух, и плоть,
и всё-таки, и всё-таки – как чудо –
нам грезится бесшумных душ полёт,
нам слышится прощение оттуда.

* * *

П. Воутилайнену

Паутинка мерцает, и осень, как мокрая скатерть,
провисает на чёрных стволах до продрогшей земли,
ни к чему разговоры – лишь неизреченное свято,
да и, в общем, о чём говорить, если больше золы
чем огня, даже тления в наших остуженных душах...
Ну, тоска, да делов-то... – сказал бы весёлый мой друг,
но не скажет – недавно он умер – тогда будем слушать,
как плетёт свою страшную музыку жёлтый паук.

* * *

...а кто нам нашептал, что счастье есть,
кто нам вещал, мол, скоро, скоро очень...
Нас обещаний ослепила лесть,
заворожила ворожба пророчеств.

Забудь, забудь про ложь философем,
бреди по пояс в ледяной печали...
Кто нам шептал, что счастья хватит всем?
Да нет, никто... Мы ж сами и шептали...

* * *

Воздух марта – прозрачный и влажный,
снег смиренно заклания ждёт.
Всё ужасно – но это не важно.
Всё прекрасно – но это пройдёт.

Потому что важнее по сути
только то, что февраль пережит,
и бессмертной капелькой ртути
мир в ладони у Бога дрожит...